

doi:10.35853/vestnik.gu.2023.2(41).09

Рецензия на диссертацию В. Д. Чуракова «Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм»¹

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия

Актуальность темы. Избранная для диссертационного исследования тема является актуальной, как минимум, по трем очень важным основаниям: 1) необходимость повышения эффективности правовых норм всегда стоит на повестке любого государства постольку, поскольку эффективность – это результативность права в сравнении с поставленными законодателем целями, в стремлении к достижению которых – смысл правового регулирования. По этой причине изучение, направленное на более эффективное достижение целей последнего, есть всегда актуальный, а потому постоянно необходимый научный процесс; 2) применение в юриспруденции достижений экономических, когнитивных, технических наук, которые демонстрируют сегодня колоссальный прогресс, называемый иногда революцией (промышленной, цифровой и т. п.), позволит, надеемся, революционизировать и юридическую науку, а значит, и юридическую практику тоже. Речь идет, в частности, об использовании методов экономического анализа права, а также анализа эффективности правовых норм, основанного на больших данных (Big Data Analysis) и использовании искусственного интеллекта; 3) междисциплинарность исследования проблем правового регулирования, демонстрируемая в диссертации, – один из перспективных путей развития как данной темы, так и юриспруденции в целом.

Общий анализ, новизна и оценка научного уровня диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения, в котором предложена рамочная методика оценки эффективности правовых норм. В первой главе закладываются основания дальнейшего исследования: проводится анализ имеющихся определений понятия эффективности правовых норм, разграничиваются факторы, условия и критерии оценки эффективности правовых норм, рассматриваются препятствия для эффективного действия норм права, а также общая характеристика экономического анализа права, выделяется позитивный и нормативный экономический анализ права. В последнем параграфе первой главы диссертант предлагает разделить нормативный экономический анализ права на два самостоятельных направления: общий нормативный анализ – проведение оценки последствий предлагаемого решения для общества, в том числе для государственных интересов, и деликтный нормативный анализ – оценка эффективности соблюдения гражданами предлагаемых к принятию норм права (с. 49), который «возможен на этапе реализации права» (с. 50). Такая конкретизация исследуемого метода анализа эффективности правовых норм представляется вполне обоснованной и весьма плодотворной для дальнейших научных исследований в указанном направлении. Не отрицая ценности выдвинутой и всесторонне аргументированной диссертантом идеи оценивать эффективность реализации гражданами

¹ См.: Чураков В. Д. Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки / Чураков Владимир Дмитриевич. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 201 с. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/> (дата обращения: 10.04.2023).

(и, наверное, другими субъектами права тоже – юридическими лицами, должностными лицами и т. д., а не только гражданами) правовых норм, отметим только, что акцент на понятии «деликтный», возможно, далеко не самый удачный вариант наименования вводимой разновидности нормативного анализа. Понятно, что подсчет эффективности соблюдения гражданами правовых норм входит в одно уравнение с количеством правонарушений, деликтов и чем их больше, тем меньше эффективность реализации исследуемых норм права, но все-таки науку и практику интересует прежде всего «процент» соблюдения правовых норм, а не количество их нарушений – то есть не деликтов самих по себе, как можно понять из предложенного автором наименования метода «деликтный нормативный анализ». Возможно, что в охранительных правоотношениях, которые возникают, главным образом, в уголовном и в административно-деликтном праве (и, в гораздо меньшей степени, в других отраслях права) такое наименование было бы уместно, однако в подавляющем большинстве других отраслей права основное внимание сосредоточено прежде всего на реализации правовых норм, а не на их нарушении, поэтому требуется подыскать другое наименование введенной автором разновидности нормативного анализа. Р. Алекси писал, что правовая норма «социально действительна, если ее соблюдают, либо если ее несоблюдение влечет за собой применение санкций... Норма, которой следуют в 80 % охваченных ею ситуаций и несоблюдение которой в 95 % случаев влечет за собой применение санкций, обладает очень высокой степенью действенности. Напротив, степень действенности нормы окажется весьма низкой, если, предположим, ей следуют только в 5 % случаев, а ее несоблюдение влечет за собой применение санкций лишь в 3 % случаев» [Алекси 2011, с. 105–106]. Здесь важна не только идея определенного совпадения содержания понятия «социальная действительность правовой нормы», о чем пишет Р. Алекси, и понятия ее эффективности, но и то, что особенно следует подчеркнуть для обсуждаемой ситуации, а именно: эффективность соблюдения субъектами правовой нормы – это один показатель, а уровень деликтности, то есть применения санкций за нарушение нормы, но не во всех случаях, допустим лишь в 3 % с учетом приведенного примера (когда в 95 % случаев норма не соблюдается и при этом применение санкций имеет место лишь в 3 % случаев) – другой показатель. В последнем случае и уместно было бы говорить о деликтном нормативном анализе (уровне привлечения к ответственности в случаях правонарушений), а вот сама «оценка эффективности соблюдения гражданами» норм права как выделенный автором вид нормативного анализа требует явно иного, чем им предложено, наименования. Полагаю, что было бы уместно назвать его так: **реализационный нормативный анализ**. С этой точки зрения получается, что диссертант выделил важный и необходимый вид нормативного анализа, который по его характеру и природе лучше назвать реализационным, а не деликтным, и упустил важное направление анализа, для которого имя в работе предложено, но отсутствует упоминание объекта, для которого это имя («деликтный») подошло бы как нельзя лучше. В нашей литературе, как мне представляется, упускается из внимания именно эта, вторая часть уравнения эффективности правовой нормы, когда в случае ее несоблюдения (допустим, в 20, 30, 50 или 80 % случаев и т. д.) санкции применяются в разном объеме – где-то в 95 %, а где-то в 3 % случаев. Здесь уже можно вести речь и об эффективности/неэффективности правоприменительного механизма. Предложенное нами название подошло бы и для охранительных отраслей права: реализация правоохранительной системой соответствующих норм в виде применения к правонарушителям санкций показало бы уровень их соблюдения (и здесь уместен реализационный нормативный анализ), а неприменение санкций и отсутствие правомерной реакции на такие нарушения со стороны соответствующих субъектов – уровень деликтности в правоохранительной сфере.

Весьма продуктивна, хотя в некоторых отношениях небесспорна, идея автора о возможности распространения общего и деликтного нормативного экономического анализа права на специальные нормы права – нормы-принципы, нормы-цели, нормы-декларации, нормы-дефиниции и т. д. (с. 52). Обоснованным и достоверным представляется

вывод автора о том, что нельзя отрицать полностью «полезность экономического анализа права для оценки эффективности правовых норм» (с. 74), несмотря на то что в экономической науке существует множество критериев экономической эффективности (§ 1.4), используемых при оценке эффективности права, которые в ряде случаев неприменимы, а в других ситуациях дают разные и/или неоднозначные результаты при их применении. Весьма полезным оказывается также и проведенный В. Д. Чураковым анализ возможностей и ограничений методов экономического анализа права (§ 1.5).

Во второй главе анализируются инструменты оценки эффективности правовых норм, основанные на методе экономического анализа права. Автор всесторонне аргументирует тезис о применении идей поведенческой экономики по отношению к правовым феноменам, в частности о необходимости учета иррациональности индивидов как адресатов правового регулирования в контексте оценки эффективности норм права. Рассматриваются механизмы «подталкивания» (и ограничения данного инструментария), которые способствуют более эффективному правовому регулированию. Изучается процедура оценки регулирующего воздействия как инструмента анализа проектов нормативных правовых актов: автор использует результаты проведенного им эмпирического исследования, что повышает научную значимость, обоснованность и достоверность сделанных им выводов и рекомендаций, направленных на совершенствование процедуры оценки регулирующего воздействия в Российской Федерации. Изучается также процедура оценки фактического воздействия.

В последней – третьей – главе проводится анализ эффективности правовых норм с использованием метода больших данных (Big Data – БД), который может применяться как на этапе правотворчества, так и на этапе реализации права. Автор рассматривает различные определения больших данных и отмечает, что, несмотря на бурное развитие указанного явления в современном мире, «их применение в юриспруденции до сих пор не является распространенным и требует переосмысления классических догматических подходов» (с. 126). Убедительная демонстрация автором возможностей использования БД для оценки единообразия судебной практики, для прогноза судебных решений показывает значительный потенциал в применении данного метода в юриспруденции и придает таким образом серьезный научный вес рассуждениям автора. В то же время БД, создаваемые на их основе алгоритмы не лишены, по справедливому замечанию диссертанта, ряда недостатков, которые существенно ограничивают их применение в юриспруденции, в том числе при оценке эффективности правовых норм. Одним из серьезных недостатков опоры на большие данные при разработке ряда правовых решений является, по его мнению, консервация прошлых социальных практик, нарушающих права человека, что подтверждается и другими исследованиями (см., например: [O’Neil 2017]).

Для плодотворного использования БД в юриспруденции необходим ряд условий, которые скрупулезно анализируются автором: различные, в том числе юридические, механизмы контроля качества БД, особенности интерпретации результатов, полученных с помощью БД, их предсказательная сила, а также возникающие в процессе сбора и использования БД этические проблемы, необходимость выбора этических ценностей, которые обязан соблюдать искусственный интеллект (ИИ), то есть создаваемые ИТ-специалистами алгоритмы (анализируются проблемы вагонетки, самообучаемости ИИ, вытеснения человека с рынка труда автоматизированными системами и т. д.).

В последнем параграфе третьей главы автор анализирует концепцию «персонализированного права», отмечая, что она «предлагает отказаться от общих правил и норм, не обусловленных индивидуальным подходом к человеку, и решать те или иные вопросы с помощью больших данных в каждом конкретном случае» (с. 161–162). Подобный подход, по мнению диссертанта, является «гораздо более эффективным, чем общее, абстрактное регулирование на основании “классических” норм права» (с. 162). В дальнейшем автор уточняет, что «personalized law в определенном смысле подрывает ценность единого для всех нормативного правового регулирования общественных от-

ношений» (с. 162). Однако, квалифицируя этот подход в качестве гораздо более эффективного, чем общее, абстрактное регулирование на основании «классических» норм права, автор, следовательно, соглашается с ревизией указанной ценности, что не может не вызвать глубокого сожаления, так как реализация концепции *personalized law* создает, по нашему мнению, серьезную угрозу разрушения права как социального института в целом. Данная проблема, безусловно, требует дальнейшего изучения, обсуждения и «взвешивания» всех плюсов и минусов подобного – «персонализированного» – рода использования БД для целей нормативного правового регулирования. И ценность представленной диссертации заключается в том, что ее автор ставит указанную проблему и предлагает некоторые варианты ее решения.

Достаточно емкими и обоснованными всем предшествующим текстом представляются Заключение и Рамочная методика оценки эффективности правовых норм: они подводят убедительный итог проведенному исследованию, которое в целом позволило автору всесторонне обосновать вынесенные на защиту положения о том, что для «получения объективного результата оценки эффективности правовых норм необходим баланс между качественными и количественными методами оценки» (с. 8), что «современный цифровой инструментарий, основанный на больших данных, должен использоваться совместно с определенным набором качественных показателей эффективности» (с. 8), что «оценка конкретных действий и ситуаций в сфере правового регулирования может проходить на основании развернутых количественных показателей, собираемых в автоматизированном режиме (с. 9), а также положения о необходимости выделения деликтного нормативного анализа, который наряду с общим нормативным анализом может «применяться и по отношению к специальным нормам права, которые фактически составляют основу организации правовой системы» (с. 9–10). Проведенное исследование обладает признаками научной новизны, которые выражены в основательной и убедительной демонстрации перспектив использования экономического анализа права и *Big Data Analysis* для оценки эффективности правовых норм. При этом теоретический анализ базируется на основательном изучении научных источников (как российских, так и зарубежных, в том числе самых новейших) и на проведенных автором эмпирических исследованиях, что позволило ему не только обосновать ряд теоретических гипотез, но и предложить практическую методику оценки эффективности правовых норм.

В то же время в работе имеются положения, которые носят **дискуссионный характер** и/или требуют дополнительной аргументации.

Так, не совсем завершенной и потому убедительной кажется интерпретация ситуации, связанной с оценкой эффективности правового регулирования с использованием экономического анализа права при принятии законопроекта о самозанятых. Оценивается эффективность предлагаемых в 2017–2018 гг. в этой области решений, которые были введены в то время как налогово-правовой эксперимент всего лишь в четырех субъектах РФ. Поэтому вряд ли можно признать корректным сравнение весьма гипотетической цифры (в 20 миллионов) общего количества самозанятых во всей России с количеством зарегистрированных за весьма непродолжительный период, да еще ограниченным четырьмя субъектами РФ, в которых и проводился указанный эксперимент. Автор пишет, что «даже наибольшая цифра, отражающая количество зарегистрированных самозанятых (2 149 человек по состоянию на 01.09.2018) не достигает доли в 1 % от общего числа самозанятых» (с. 46). Вызывает сомнение как методика сравнения (общее количество самозанятых в РФ в целом) с количеством зарегистрированных самозанятых лишь в 4 субъектах РФ, так и сама эта предполагаемая, гипотетическая цифра в 20 миллионов. Без указания методики ее расчета слова уважаемого депутата Государственной Думы РФ, на которые не критически ссылается диссертант, есть не более чем голословные утверждения или просто «взятые с потолка», то есть случайно сформулированные цифры, что бывает иногда в политическом споре, но не может транслироваться без соответствующей проверки и подтверждения в научном дискурсе.

Даже при наличии научно обоснованной методики, которая должна быть либо кратко упомянута, либо подтверждена ссылкой (для проверки научной обоснованности выдвинутой гипотезы расчета данных), такого рода цифры носят весьма и весьма приблизительный характер в силу их неустранимой латентности, и к ним, по указанным основаниям, надо относиться с большой осторожностью и необходимыми проверками их валидности. Было бы хорошо проанализировать и то, какие изменения произошли за два года (до конца 2022 г.) после того, как в конце 2020 года налоговый правовой режим самозанятых был распространен на всю Россию, и тоже пока в экспериментальном порядке. Автор обсуждает число самозанятых по состоянию на 26.10.2018 (с. 45). Однако на конец 2022 года имеются и более «свежие» данные: так, на сайте Федеральной налоговой службы РФ отмечается, что число самозанятых в России (на 06.06.2022) достигло 5 миллионов. Ежедневный прирост составляет 8,5 тысяч человек. Общий доход самозанятых в день составляет более 2 млрд рублей, что выражается в соответствующих налоговых поступлениях в бюджет, и т. д. По этим данным можно примерно рассчитать количество самозанятых в России на конец 2022 года и налоговые поступления в бюджет с возможным учетом разной величины налоговой ставки – 4 % или 6 % (см.: [В России зарегистрировались 5 млн самозанятых 2022]). Жаль, что автор ограничился только статистикой на 2018 год и не продолжил далее изучение указанной ситуации, так как она, с моей точки зрения, очень хорошо раскрывает предлагаемые в диссертации подходы автора и свидетельствует о достаточно эффективном правовом регулировании данной области общественных отношений.

Вызывает сомнение утверждение автора о том, что «объективное и полноценное измерение уровня правосознания или его деформации практически невозможно, поскольку сама категория “правосознание” является абстрактной, динамичной и не может быть выявлена с использованием эмпирических методов. Хотя следует отметить, что попытки описания механизма измерения правосознания периодически предпринимаются, однако они имеют сильный **социологический уклон**» (выделено нами. – А. С.). Утверждение о практической невозможности измерения уровня правосознания или его деформации на том основании, что категория «правосознание» является абстрактной, не может быть принято, так как, во-первых, категориями называют основные понятия различных наук, а понятия, как одна из форм отражения мира на рациональной ступени познания, всегда абстрактны, то есть образованы путем отвлечения (абстракции) от некоторых несущественных в определенном отношении свойств изучаемых явлений и выделения свойств существенных и определяющих (см., например: [Энциклопедия эпистемологии ... 2009, с. 12, 352, 719]). Следовательно, любая категория всегда – абстрактная. Во-вторых, в социологии существуют методики выделения операциональных признаков, которые измеримы и могут характеризовать те или иные абстрактные понятия посредством изучения соответствующих им эмпирических данных. В полной мере это относится и к категории «правосознание», которая изучается в рамках социологии права. По этому поводу существует целый океан соответствующей литературы, в которой правосознание успешно изучается и измеряется при помощи именно эмпирических методов, применимость которых почему-то отрицает автор диссертации. И, наконец, утверждение, что «попытки описания механизма измерения правосознания периодически предпринимаются, однако они имеют сильный социологический уклон» тоже похоже на недоразумение, так как никакого иного «уклона», кроме социологического, такие попытки (измерения правосознания) иметь и не могут.

Трудно согласиться с мнением автора о наличии «определенного несоответствия норм-дефиниций и решений законодателя» при проверке им тезиса о более жестком характере уголовной ответственности по сравнению с ответственностью административной на примере размера штрафа, предусмотренного ч. 6, 7, 8 ст. 20.2 КоАП РФ, в которых установлен размер штрафа от ста пятидесяти до трехсот тысяч рублей и строгостью санкций ч. 1 ст. 115 УК РФ, ст. 116.1, в которых закреплён максимальный размер штрафа сорок тысяч рублей, а также санкций ч. 1 ст. 123 (штраф – восемьдесят тысяч

рублей) и ч. 1 ст. 133 (штраф – сто двадцать тысяч рублей). Автор диссертации делает вывод, что «в некоторых случаях даже минимальный штраф за административный проступок выше, чем максимальный штраф за преступление, что не соответствует базовым принципам уголовной и административной ответственности», в соответствие с которыми последняя должна быть менее жесткой, чем первая. Если первая часть вывода не вызывает сомнений, то вторая – о сравнении базовых принципов двух отраслей – требует дополнительных размышлений, а именно: можно ли сравнивать часть одного целого (часть санкции административно-правовой нормы) с частью другого целого (частью санкции уголовно-правовой нормы), игнорируя как другие части указанных санкций, так и иные характеристики более крупного (соответствующую отрасль права) системного образования, в которое входят рассматриваемые части, и делать вывод по поводу того или иного соотношения указанных двух явлений как целостностей – «базовых принципов уголовной и административной ответственности»? Другими словами, можно ли сравнивать случайно (то есть без обоснования какой-либо репрезентативности) выхваченные микрочастицы двух крупных систем (двух отраслей права), чтобы делать выводы о том или ином соотношении между ними? В избранных для анализа санкциях административно-правовых норм практически везде присутствуют обязательные работы и арест (что является более жесткой санкцией, чем штраф, и больше соответствует той идее, которую хотел бы доказать диссертант, но он упускает это из виду и не дает никаких комментариев по указанному поводу), а во всех санкциях избранных автором для сравнения уголовно-правовых норм штраф измеряется еще и альтернативно (что автор также упускает из виду) «в размере **заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев**» (ч. 1 ст. 115 УК РФ, ст. 116.1), либо «за период до шести месяцев» (ч. 1 ст. 123 УК РФ), либо за период «до одного года» (ч. 1 ст. 133 УК РФ), что в итоге может составить сумму либо: а) немного большую, чем 40 тысяч рублей в случае «до трех месяцев» (если заработная плата осужденного находится на уровне МРОТ в 15 279 рублей или в 16 242 рубля в месяц с 01.01.2023 г.); б) гораздо большую, чем даже сто пятьдесят или триста тысяч рублей, если заработная плата или иной доход осужденного в десятки, а порой и в сотни раз превышает МРОТ. Это – во-первых. Во-вторых, такая неопределенная формулировка размера штрафа в санкциях уголовно-правовых норм делает их трудно сравнимыми по существу с фиксированным размером штрафа в санкциях норм административно-правовых. Можно было бы изучить практику назначения наказания по указанным статьям УК РФ и показать, каким лишениям реально подвергаются осужденные по данным статьям (является ли размер уголовно-правовых имущественных лишений больше или меньше, чем штраф, налагаемый в административном порядке), но автор эту работу не проделал. В-третьих – и это самое важное – диссертант, к сожалению, игнорирует данный момент, а именно: сравнивая только отдельные части целого друг с другом – только штраф в ряду других видов наказания, имеющих в санкциях избранных им для анализа норм права, упускается из виду то, что абсолютно во всех санкциях уголовно-правовых норм в качестве альтернативы штрафу (в фиксированной и нефиксированной форме) имеются и гораздо более жесткие наказания: обязательные работы (в санкциях административно-правовых норм они везде меньше, чем в анализируемых нормах УК), либо исправительные работы (ч. 1 ст. 123 УК РФ), либо к первым двум добавляется как альтернатива еще и арест (ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 УК РФ), либо дополнительно к первым двум видам наказания добавляются как альтернатива еще и принудительные работы, либо, наконец, лишение свободы (санкция ст. 133 УК РФ). Хорошо известна и общая тенденция российской судебной системы к применению достаточно жестких санкций при наличии более мягких альтернатив, чего нельзя не учитывать, используя сравнительную методiku, предпринятую автором. В случае уголовно-правового принуждения в виде штрафа имеет место еще и судимость, что делает уголовное наказание более строгим (независимо от размера штрафа), чем один только административно-правовой штраф, и автор справедливо указывает на данный момент, однако не считает нужным

учитывать этот параметр при сравнении санкций разных отраслей права и поэтому делает представленный выше вывод, который представляется нам достаточно спорным. Заметим также, что не все виды наказания применяются сегодня на практике, но в данном случае это и не важно, так как из сравнения всего спектра уголовно-правовых и административно-правовых наказаний, имеющихся в указанных отраслях права, можно сделать лишь один вывод, и он оказывается прямо противоположным тому, который делает диссертант, а именно: решение законодателя как раз в полной мере соответствует установленному принципу более жесткой, по общему и даже подавляющему своим большинством правилу, уголовно-правовой ответственности, чем ответственности административно-правовой. Хотя и последний вывод мог бы быть подвергнут сомнению, если бы он базировался только и исключительно на нерепрезентативном анализе отдельных микрочастиц двух отраслей охранительной подсистемы права. Если же сравнить весь спектр санкций административно-деликтного и уголовного права по всем составам соответствующих правонарушений (преступлений для уголовного права), то их соотношение, вопреки утверждению диссертанта, соответствует, по нашему мнению, базовым принципам уголовной и административно-правовой ответственности.

Из рассмотренного выше примера приложения методики экономического анализа права для оценки эффективности норм-дефиниций неизбежно вытекает проблематизация и общего авторского тезиса о возможности применения экономического анализа по отношению к специальным нормам права – нормам-принципам, нормам-целям, нормам-декларациям и т. д. Диссертант видит эту проблему и предлагает некоторые варианты ее решения, которые не всегда убедительны, и поэтому было бы хорошо продолжить исследование в указанном им направлении, чтобы снять возникающие в ряде случаев сомнения.

Высказанные соображения носят дискуссионный характер и не снижают общей высокой положительной оценки проделанной диссертантом работы. Материалы диссертации представлены в 16 публикациях, в том числе в журналах, рекомендованных НИУ ВШЭ. Результаты исследования апробированы в виде докладов на российских, международных конференциях и других научных мероприятиях. Анализ диссертационной работы В. Д. Чуракова позволяет заключить, что она представляет собой единое целостное исследование, которое отличается высоким теоретическим и практическим уровнем, является самостоятельной и законченной работой монографического характера, обладающей бесспорной научной новизной, достоверностью основных положений и выводов, что свидетельствует о личном вкладе диссертанта в науку. Резюме диссертации в полном объеме отражает основное содержание диссертации. Работа написана прекрасным академическим языком, в ней отражен глубокий анализ доктрины, законодательства, судебной практики и самостоятельных эмпирических исследований диссертанта. Диссертационная работа В. Д. Чуракова на тему: «Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм» отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам на соискание ученой степени кандидата наук, и ее автор заслуживает присуждения ему искомой степени.

В заключение хотел бы заметить, что в нашей науке появился, безусловно, талантливый, креативный ученый, от которого мы вправе ожидать новых интересных находок и открытий, особенно в плане междисциплинарных исследований, которых так не хватает современной юриспруденции.

Список источников

1. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева при участии Ф. Кальшойера. М. : Берлин : ИнфотропикМедиа, 2011. 173 с.
2. В России зарегистрировались 5 млн самозанятых // Федеральная налоговая служба : официальный сайт. 06.06.2022. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12258990/ (дата обращения: 15.03.2023).

3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Российская акад. наук, Ин-т философии РАН ; редкол. : И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др. М. : Канон+, 2009. 1247 с.

4. O’Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York : Crown, 2017. 288 p.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, профессор и завкафедрой публичного права, декан юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, лауреат премии имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции» (2021 г.). SPIN-код автора: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, Professor, Head of Public Law chair, Dean of Law Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 10.04.2023.